

Н. А. Воробьева
Екатеринбург, Россия

РУССКАЯ САКРАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются фразеологизмы, обладающие сакральной семантикой, как один из источников информации об особенностях русской ментальности, традиционной национальной культуры. Особое внимание уделяется устойчивым выражениям, которые обозначают предметы или явления, не имеющие четкой денотативной привязки. Следовательно, выявление типов культурной информации, заключенной в языковых единицах такого рода, связано с привлечением разных культурных кодов ее трансляции: обрядов, ритуалов, традиционного календаря и святцев, практики народной медицины и т.п. При анализе фразеологических единиц, обладающих сакральной семантикой, описываются способы ее создания. Отмечается, что образ сакрального создается через характеристику сакрального субъекта, сакрального объекта, сакрального действия, сакрального времени, сакрального пространства. Рассматриваются процессы, сопровождающие функционирование фразеологизмов (десакрализация, десемантизация и т.д.), причины их появления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сакральная фразеология, лингвокультурология, фразеологизмы, сакральная семантика, культурная информация, десакрализация.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Воробьева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета; Российский государственный профессионально-педагогический университет.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов 26.
E-mail: vorobyevanat@mail.ru.

N. A. Vorob'eva
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN SACRAL PHRASEOLOGY AS A SOURCE OF CULTURAL INFORMATION¹

ABSTRACT. *The article deals with phraseological units with sacral semantics as a source of information about the peculiarities of the Russian mentality and the traditional national culture. Special attention is paid to set phrases denoting things or phenomena which have fuzzy denotative reference. Consequently, revealing the types of cultural information expressed by such linguistic units is associated with inclusion of various cultural codes of its translation: rites, rituals, traditional calendar and church calendar, folk medicine practice, etc.*

The analysis of phraseological units with sacral semantics is aimed at describing the methods of its creation. It is noted that the sacral image is created through the characteristic of the sacral subject, sacral object, sacral action, sacral time and sacral space. The author considers the processes accompanying functioning of phraseological units (desacralization, desemantization, etc.) and the causes of their emergence.

KEYWORDS: *sacral phraseology, linguo-culturology, phraseological units, sacral semantics, cultural information, desacralization.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vorob'eva Natal'ya Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University; Russian State Professional Pedagogical University.*

В настоящее время в рамках лингвокультурологического подхода к анализу языкового материала идиоматика любого языка рассматривается как источник сведений о культуре (материальной и духовной) народа, о его мировоззрении, мировосприятии. Обращение к устойчивым выражениям, функционирующим в территориальных говорах, дает возможность познакомиться с установками, представлениями о мире, закрепленными

в сознании диалектоносителей. Выбор социальной группы обусловлен тем, что для жителей сельской местности дольше остаются актуальными знания об обрядах, ритуалах, сфере вымышленного, нереального. Как показал опрос диалектоносителей (в возрасте от 60 до 93 лет), часто и сейчас их деятельность (сельскохозяйственная, обрядовая и т.д.) регламентируется «нормами», переданными старшим поколением. Не всегда удается выяснить, для чего проводится то или иное ритуальное действие, обряд. Все, как правило, объясняется тем, что *«так раньше делали»*, *«так моя мать (бабушка) делала»*, *«из покон веку так было»*, *«порядок надо вести»* и т.д.

Особую сложность при изучении конкретной лингвокультуры вызывает обращение к квазиденотативному пространству, т.е. такому, за которым не стоят определенные, четко закрепленные за вербальным обозначением предметы или явления. В этом случае вербальная единица выступает своеобразным «симулякром», означающим без реального означаемого, означаемое лежит в сфере ментальных представлений, это своего рода «виртуальная реальность» [см., например: Красных 1998]. С другой стороны, анализ подобного языкового материала представляет особый интерес, так как лексика и фразеология, характеризующая ментальный мир человека, дает возможность проникнуть в глубь национальной культуры, в сферу вымышленного, нереального, отражающего мифологическое, архетипическое в национальном сознании. К этой сфере относится и сакральное.

Традиционно понятие «сакральное» связывается с понятиями «священное», «религиозное».

В качестве основополагающего для целей исследования принимается широкое определение понятия «сакральное». По мнению Н. И. Коноваловой, «сакральный компонент характеризуется следующими содержательными характеристиками: с одной стороны — через конкретизаторы: *священный, обрядовый, ритуальный, таинственный, магический, сверхъестественный*; с другой — через релятивные параметры: *относящийся к существу, персонажу, лицу, вещи, действию, таинству* и т.д. В этот ряд включаются как субстанциональные свойства сакрального, так и функциональные признаки, которые характеризуют форму его проявления (обряд, ритуал, магия). Здесь понятие *священное* — лишь один из компонентов, составляющих сверхъестественное, одна из его ипостасей» [Коновалова 2004: 53–54].

С этим таинственным сверхъестественным человек связы-

вает и желаемое благополучие, и выпадающие ему несчастья и страдания. Безотчетный страх перед необъяснимым и благоговение перед ним являются психологической основой любой веры, в том числе самой развитой и самой примитивной религии. Сакральное может представлять как всемогущий Бог, как души умерших, как неопределенно-диффузная сила и т.п., и все, что кажется вмещением этой силы, предстает как сакральное, одновременно опасное и драгоценное, завораживающее. Ср. также: «Сакральность принадлежит как стабильное либо преходящее свойство некоторым вещам (предметам культа), некоторым людям (царю, жрецу), некоторым пространствам (храму, церкви, святилищу), некоторым моментам времени (воскресенью, дням пасхи и рождества и т.д.). Все что угодно может стать ее носителем и тем самым обрести в глазах индивида или коллектива ни с чем не сравнимый престиж. Также все, что угодно, может и лишиться ее. Этим качеством вещи не обладают сами по себе — их наделяет им некая мистическая благодать» [Кайуа 2003: 152]. Такой подход к определению сути понятия *сакральное* позволяет проанализировать большой объем языковых единиц с учетом разного рода культурной информации, представляющей сферу сакрального в языковом сознании носителей диалектов.

Вполне закономерно, что при расширительном понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают как языковые единицы религиозного (и шире — культового, обрядового) содержания, так и демонологическая лексика и идиоматика как два полюса одного феномена.

Источником анализируемого материала послужили записи речи диалектоносителей с. Гарашкинского Богдановичского района и словарь диалектной фразеологии «У народа — как у праздника» под общ. редакцией Т. А. Гридиной.

Анализ сакральных идиом требует обращения к описанию способов создания сакральной семантики. Образ сакрального в устойчивых выражениях создается через характеристику: сакрального субъекта, сакрального объекта, сакрального действия, сакрального пространства, сакрального времени.

Сакральный субъект — это производитель сакрального действия, обозначение сверхъестественного персонажа. В качестве сакрального субъекта в диалектной фразеологии могут выступать:

- сверхъестественные существа (чистая и нечистая сила). Например, *Богу нет, так черту спесь* 'о скупом человеке, который пожалел денег на доброе дело, но потратил на что-то не-

праведное, например, проиграл в карты' [ФС 2012: 20]; *будто Бог на колеснице (на колесянке, на колесиках) едет* 'говорят, это Илья-пророк на телеге едет, когда гром гремит. Или говорят, что Бог на колесянке, у нас так говорят, на колесянке или на колесиках едет. Илья-то пророк, когда в августе грозы-то сильные, а так вообще ко грозе' [ФС 2012: 23]; *лешим наквашен* 'об упрямом, вредном человеке' [ФС 2012: 141]; *черт в ступе не истолок* 'о людях, много претерпевших' [ФС 2012: 235]; *черту на полати не забросить* 'очень много' [там же];

• болезни, которые обычно «посланы» человеку в качестве наказания или «насланы» недоброжелателем, знатким, колдуном и т.д. Например, *болезнь накидывает* 'о приступах болезни' [ФС 2012: 20]; *родимец бы тебя (тя) побрал* 'пожелание плохого, болезни' [ФС 2012: 190]. Диалектоносители комментируют данную идиому следующим образом *это такая болезнь, которая получается от испуга маленьких детей, их трясет, и это как бы эпилепсия по-современному. Я еще слыхала, говорят, что родимец чуть не хватил, если человек сильно испугался*. Болезни, как правило, в таком случае наделяются антропоморфными характеристиками. Они могут *напасть* на человека, *затрясти*, *взять*, *хватить* и т.д. Например, *болесь напала* '1. Человек внезапно тяжело заболел. 2. Человек долго не выздоравливает, при этом причина болезни не определена' (Богдановичск., Гарашкинское). По суеверным предположением, причиной такой болезни может стать сглаз, заговор.

Особенность такого сакрального субъекта заключается в том, что в большинстве случаев он не имеет точной референтной «привязки». Это своего рода «виртуальная реальность», семантически диффузная номинация сверхъестественного персонажа, не имеющего однозначного описания внешнего облика. Конечно, в народном сознании существуют стереотипы, отражающие представления об этих субъектах (ср., такие атрибуты кикиморы болотной, как длинные спутанные волосы, неопрятный вид, тина на одежде), однако некоторые сакральные субъекты могут иметь разные внешние признаки, характеризующие их ипостась (не только антропоморфные, но и зооморфные, фитоморфные). Например, леший, который может предстать перед человеком, заблудившимся в лесу, в виде старичка небольшого роста, старого пня или дерева, необычного животного¹. Кроме

¹ Описания внешности сверхъестественных персонажей приведены в опоре на данные психолингвистических экспериментов, проведенных

этого, сакральные субъекты могут отличаться по гендерному признаку. Например, *леший (лешак), дворовой, черт, Бог, домовый* и т.д. — субъекты мужского пола, а *обдериха, кикимора, огородница, полуденица* — субъекты женского пола. Могут быть также сакральные субъекты «бесполое», не имеющие гендерных характеристик (*зло, лихо одноглазое, горе*). В группе сакральных персонажей частотны собирательные обозначения (*черная сила, нечистая сила, нечисть, крестные силы, святые силы* и т.д.).

Для некоторых типов антропоморфных персонажей, даже тех, номинации и характеристики которых в целом ориентированы на «человечески» значимые признаки, существенно отсутствие оппозиции «старый — молодой», «живой — мертвый» и т.д. К этой группе относятся, в частности, идиоматические сочетания, в которых в качестве сакрального субъекта выступают разные болезни (*родимец, лихорадка, кондрашка* и т.д.) или болезнь вообще (*недуг, немощь, болесь*).

- лица, совершающие обряд или присутствующие при его совершении, например, кум *стрётный* 'первый встречный, который, согласно обычаю, приглашался в качестве крестного отца. *Обычай был раньше такой: крестили-то нас всех младенцами еще. Обычай такой был, чтоб крестного искать, на улицу выходили, и тот человек, что первым тебе на глаза попадетя, становился стрётным кумом* [ФС 2012: 140]; *бабка-повивуха* 'повивальная бабка; вообще женщина, занимающаяся лечением больных' [ФС 2012: 13]; *богоданная матушка* '1. Теща. 2. Свекровь. 3. Неродная мать, мачеха. 4. Крестная мать' [ФС 2012: 19].

Главным признаком сакральных субъектов, не зависимо от выделенной группы, является оппозиция «положительный — отрицательный», то есть несущий добро или причиняющий зло.

Сакральный объект — это то, на что направлено сакральное действие. В качестве сакрального объекта могут выступать предметы и атрибуты:

- *имеющие отношение к религии, например, креста нет 'о человеке, поступающем непорядочно.* На тебе креста нет, или говорят, на нем креста нет, когда человек поступает зло, неправильно, все равно что ты чё, Бога не боишься. Ну вот, допустим, как же сказать, родителей стареньких обижают, они еще живые,

с современными носителями языка, и комментарии диалектоносителей, полученные при сборе сакральной фразеологии.

а они уж делят их дом, или вот человек слово свое не держит, предают' [ФС 2012: 137];

- *связанные с различными обрядами и ритуалами, например, бабкина каша 'каша, сваренная бабкой-повитухой' [ФС 2012: 13]; дёвья красота 'с вадебном обряде — какой-либо предмет (обычно красная лента), являющийся символом девичей красоты и имеющий определенное обрядовое назначение. Это чё-нибудь завяжут красенького на бутылку, на ложки и продают как дёвью красоту' [ФС 2012: 71];*

- *отражающие суеверные представления носителей языка, например, юрьева (юрьевская) роса 'роса, собранная с первых весенних трав и цветов в Юрьев день, наделялась особыми целительными свойствами' [ФС 2012: 241]. «Название связано с обычаем на Юрьев день 23 апреля (по старому стилю) собирать росу с травы и протирать ею глаза и другие больные части тела, а также окроплять домашний скот. Считалось, что, поев травы с юревой росой, скот становился здоровым и тучным» [Коновалова 2000: 214].*

Сакральное действие — действия, производимые сакральным лицом в рамках обряда, ритуала:

- *действия, выполняемые при проведении религиозных культов во спасенье пойти 'постричься в монахи. Говорят, хорошо, что если кто из семьи пойдет во спасенье, она значит за всех Богу отмаливают' [ФС 2012: 40];*

- *действия, выполняемые при совершении народных ритуалов и обрядов, дарить воду 'обряд, при котором бросают деньги в воду при переезде через реку. Денежки в воду кладут, когда переезжают через реку — дарят воду' [ФС 2012: 65]; класть бабке в кашу 'элемент обряда хождения на кашу, когда крестные и родственники младенца кладут бабке на поднос деньги во время обхода стола с кашей' [ФС 2012: 123];*

В ряде случаев однозначно отнести выражение к одной из указанных групп сложно. Например, *благословение воды* 'чтение над водой священных текстов, молитв с целью наделения ее целебной, защитной силой' [ФС 2012: 18].

- *действия, предсказывающие судьбу, например, выливать воском (на воде) 'один из видов рождественских гаданий, когда расплавленный воск свечи выливают на воду и смотрят, какая фигура получится в результате, по ней предсказывают, что ждет гадающего в предстоящем году' [ФС 2012: 45]; выливать воду от первого купания в малинник (на перекресток) 'элемент*

гадательных обрядов на судьбу новорожденного' [там же]. Диалектоносители поясняют, что в малинник выливали воду, если рождалась девочка (*малинник — символ женской красоты*), а на перекресток, если рождался мальчик (*мальчик будет счастливым, если так-то сделать*) (Богдановичск., Гарашкинское).

Таким образом, характеризуя сакральные действия, следует отметить, что результаты этих действий приносят пользу (лечение, обеспечение счастливой, благополучной жизни) или причиняют вред (сглаз). При этом некоторые сакральные действия в зависимости от ситуации могут восприниматься как приносящие пользу или вред.

Сакральное пространство в традиционной народной культуре связано со святыми или демоническими локусами, т.е. местом, в котором обитает чистая или нечистая сила.

Особенность сакрального пространства в его неопределенности. Это что-то неясное, загадочное, следовательно, не имеющее четко определенных пространственных ориентиров. Например, *черт знает куда* 'куда угодно уйти, убежать и т.д.'. Даже если в идиоме встречаются указания на какие-либо реалии, то чаще всего они передают значение 'что-то далекое, неясное'. Это отражает стереотипные представления диалектоносителей о местах обитания нечистой силы. Например, *к черту на кулички // к чертям на пасеку // к чертям на бутылки* 'очень далеко, не по пути' [ФС 2012: 114]. Возможно, человек надеется на то, что нечистая сила находится от него далеко, ведь понятие неопределенности связано с понятием сакральной негарантированности пространства, опасности для человека, т.е. он чувствует себя в нем незащищенным от сверхъестественных сил.

Сакральное время — это период, отрезок времени, когда происходят какие-либо сакрально маркированные события. *Время может быть сакрально гарантированным и сакрально негарантированным, но не независимо от этого, оно в любом случае опасно для человека, так он чувствует себя одинаково незащищенным от разных сверхъестественных сил. Ср.: «Расщепление сакрального порождает добрых и злых духов, жреца и колдуна, Бога и дьявола, однако в отношении верующих к каждому из этих особенных проявлений сакрального проступает та же амбивалентность, что и в их поведении перед лицом его нераздельных проявлений»* [Кайуа 2003: 166].

В зависимости от степени точности названного времени, можно выделить следующие группы идиоматических выражений:

- с сакральным компонентом, указывающим на неопределенное сакральное время, которое характеризуется полным отсутствием указания на время, когда происходили или будут происходить какие-либо события, например, леший его знает когда (случится, произойдет, придет и т.д.) 'неизвестно, никто не знает когда. Леший его знает, когда он придет. Вечно обещают, а приезжает к матери редко' (Богдановичск., Гарашкинское);

- с сакральным компонентом, указывающим на относительно определенное сакральное время *родительский день* 'день, посвященный поминовению умерших родственников. *Вот Пасха будет, а через неделю (во вторник) родительский день*' [ФС 2012: 191]. Пасха — один из праздников, который «не в числе», т.е. каждый год может быть в разное время, соответственно, родительский день тоже;

- с сакральным компонентом, указывающим на определенное сакральное время (день месяца), когда происходит то или иное отсылающее к сакральному прецеденту событие, например, *вешний Никола* 'православный праздник 22 мая'. По церковному календарю в этот день отмечают перенесение святых мощей Николая Чудотворца в Бар-град. По народному календарю Николу называли ласково вешним (весенним), травным, теплым. Поскольку с этого дня в северных районах начинают сеять яровые хлеба, сажать картофель, так как Никола считался заступником крестьян, покровителем домашнего скота. Поэтому заказывали молебны с водосвятием, обрызгивали водой домашний скот, чтобы святой Никола уберег коней от волков и медведей. Ср. также: «*Велика милость божья, коли в Ниголин день дождик пойдет; если на Николу заквасают лягушки — хороший будет урожай овса*» [Юдина 2006: 162].

Таким образом, диалектная сакральная идиоматика транслирует информацию социо- и этнокультурного планов, связанную с регламентацией религиозных, календарно-обрядовых, магических и т.п. ритуалов.

В процессе функционирования устойчивые выражения могут утрачивать сакральную семантику, переходить в разряд этикетных формул с *Богом* 'пожелание удачного пути'; бранных выражений *чертова паршивочка* 'бран. скверная, плохая девушка, женщина'; эмотивов *черта с два* 'выражение негодования; обещание, что человек ничего не получит'; экспресsem *до чертиком* 'очень сильно напиться'. Причины десакрализации могут быть разными: утрата сакрального знания, трансформация традиционных обрядов и ри-

туалов и т.д. Безусловно, для диалектоносителей, в силу того, что традиционная крестьянская культура в значительной степени ориентирована на сохранение архаических представлений о сфере сакрального, сакральные смыслы будут более актуальными, чем для носителей современного литературного языка.

Анализ языкового материала позволил выявить факторы, влияющие на утрату устойчивыми выражениями сакральных смыслов:

- развитие синонимических отношений у идиом, в состав которых включены сакральные компоненты противоположных семантических полей, например, *черт его знает — Бог его знает*;

- возможность замены сакрального компонента эвфемизмами, например, *черт его знает — шут его знает, черт его знает — хрен его знает, черт его знает — пес его знает*;

- возможность местоименной замены сакрального компонента, например, *черт его знает — кто его знает*.

Тенденции к десаκραлизации и десемантизации характерны для идиом, функционирующих как в литературном языке, так и диалектной речи. Однако для носителей современных говоров сакральная семантика актуальнее, чем для носителей литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева Н. А. Лингвокультурологический подход к изучению русской сакральной идиоматики // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. — 2012. № 5. С. 6–11.

Забылин Н. Русский народ, его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. — М., 1880 [Репринт: М, 1992].

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. — М.: Русский язык, 1994.

Измайлова Л. В. Национально-культурный компонент фразеологических единиц в современном русском языке // Фразеологизм и слово в русском языке. — Ростов-на-Дону, 1983. С. 85–91.

Кайуа Роже. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. — М.: ОГИ, 2003.

Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2000.

Коновалова Н. И. «Болезнь» в русском языковом сознании // Проблемы изучения языковой картины мира и языковой личности: материалы междунар. конф., Екатеринбург, 14-16 апр. 2004 г. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. С. 89–94.

Коновалова Н. И. Динамический аспект интерпретации фразеологизмов с сакральным компонентом // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. С. 53–56.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2007.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. — 2002. №1. С. 78–89.

Толстая С. М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. — М., 2000. С. 101–111.

Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. — М., 1995. С. 124–127.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // Обряды и обрядовый фольклор. — М.: Наука, 1982. С. 49–83.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. — М.: «Индриг», 1995.

Русские обычаи и обряды / автор-сост. Н. А. Юдина. — М.: Вече, 2006.

У народа — как у праздника: словарь русской диалектной фразеологии / под общ. ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012.